

The
Child ren
Act

Ian McEwan

ЗАКОН О ДЕТЯХ

Иэн Макьюэн

Москва 2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

М17

Ian McEwan

THE CHILDREN ACT

Copyright © 2014 by Ian McEwan

Перевод с английского *В. Гольшева*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Макьюэн, Иэн.

М17 Закон о детях : [роман] / Иэн Макьюэн ; [пер. с англ. В. П. Гольшева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-04-089075-0

Ответственность за чужие судьбы — нелегкий груз. Судье Фионе Мей всегда казалось, что она принимает правильные, профессиональные решения.

Но очередное дело оказывается настолько непростым, что ни профессионализм, ни жесткость и бескомпромиссность не могут ей помочь. Адаму Генри необходимо переживание крови — иначе он умрет. Однако такая процедура противоречит его религии. Родители Адама, фанатично верующие люди, смирились с неизбежной смертью сына. Адам несовершеннолетний, а значит, Фиона имеет право пренебречь волей родителей, и тогда она сохранит Адаму жизнь. Но при этом она лишит его веры, поддержки родных, заставит усомниться в их любви к нему.

Она вынесет единственно правильное, с ее точки зрения, решение, не подозревая, что изменит не только жизнь Адама Генри, но и собственную.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

© Гольшев В. П., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-089075-0

ООО «Издательство «Э», 2017

Рею Долану

При рассмотрении любого вопроса, касающегося... воспитания ребенка... первостепенной заботой суда должно быть благополучие ребенка.

*Закон о детях (1989),
раздел 1 (а)*

1

Лондон. Летняя судебная сессия уже неделю как началась. Безжалостная июньская погода. Фиона Мей, судья Высокого суда, воскресным вечером лежит дома в шезлонге и смотрит по-верх своих ступней в другой конец комнаты, на книжные полки в нише рядом с камином, сбоку высокое окно и маленькая литография Ренуара с купальщицей, куплена тридцать лет назад за пятьдесят фунтов. Возможно, фальшивая. Под ней в центре круглого орехового стола синяя ваза. Когда появилась, не вспомнить. И когда в ней цветы стояли последний раз. Камин не разжигали год. Почернелые дождевые капли изредка падают в топку, стучат по скомканной желтой газете. Широкие лощеные половицы застелены бухарским ковром. На краю поля зрения кабинетный рояль, на глубоком черном лаке крышки семейные фотографии в серебряных рамках. На полу рядом с шезлонгом, под рукой — проект судебного решения.

Фиона лежала в шезлонге, с желанием, чтобы все это провалилось в тартарары. В руке у нее был второй стакан разбавленного виски. Она еще не отошла после тяжелого объяснения с мужем — внутри затаилась дрожь. Она редко пила, но «Талискер» с водой из-под крана успокаивал, и она подумывала, не пойти ли ей к буфету за третьим стаканом. Поменьше виски, побольше воды, потому что завтра в суд, а сейчас она была дежурным судьей, и по срочному делу к ней могли обратиться в любое время — хотя она еще не оправилась. Он сделал возмутительное заявление, повесил на нее невыносимый груз. Впервые за много лет она кричала, и слабое эхо еще звенело у нее в ушах. «Идиот! Ты идиот, твою мать!» Она не ругалась вслух со времен беззаботной ранней юности, когда наездами бывала в Ньюкасле. Правда, в мыслях крепкое словцо возникало иной раз, когда слышала корыстные показания или ссылку на не относящуюся к делу статью закона.

А потом, после недолгой паузы, задыхаясь от негодования, сказала громко и не меньше, чем два раза: «Как ты смеешь!»

Это даже не было вопросом, но он спокойно ответил: «Мне это нужно. Мне пятьдесят девять лет. Это мой последний заход. Доказательств загробной жизни я пока не слышал».

Претенциозное замечание, и она не нашлась с ответом. Просто смотрела на него — возможно, раскрыв рот. Теперь, в шезлонге, задний ум сработал, реплика нашлась. «Пятьдесят девять? Джек, тебе шестьдесят! Это жалко, это пошло».

На самом деле ей удалось выдать: «Это просто смехотворно».

«Фиона, когда мы последний раз спали?»

Когда? Он и раньше спрашивал об этом, иногда жалобно, а иногда ворчливо. Но недавнее прошлое, заполненное делами, бывает трудно разобрать в памяти. Отделение по делам семьи было загружено странными конфликтами, особыми ходатайствами со ссылками на новые факты, полуправдами об интимных делах, экзотическими обвинениями. Как и во всех других отраслях судопроизводства, тонкие детали и обстоятельства надо было схватывать быстро. На прошлой неделе она рассматривала спор разводящихся родителей-евреев, в разной степени ортодоксальных, по поводу образования их дочерей. Проект решения лежал рядом с ней на полу. А завтра снова предстанет перед ней отчаявшаяся англичанка, худая, бледная, образованная и, несмотря на заверения суда, убежденная в том, что дочь у нее отнимет отец, марокканский бизнесмен, правоверный мусульманин, и увезет в Рабат, где он намерен обосноваться и начать новую жизнь. В осталь-

ном — обычные тяжбы о местопребывании детей, о домах, пенсиях, заработках, наследствах. В Высокий суд обращаются обеспеченные люди. Богатство чаще всего не приносит продолжительного счастья. Родители быстро осваиваются с новым лексиконом и формальностями законоотправления и сами изумляются, что ведут ожесточенную борьбу с тем, кого они когда-то любили. А за кулисами мальчики и девочки, которых в документах называют по именам, испуганные маленькие Бены и Сары, прижавшись друг к другу, ждут, когда боги над ними доведут сражение до победного конца — в Суде по семейным делам, в Высоком суде и, наконец, в Апелляционном.

У всех этих горестей было много общего — люди похожи, — но она не переставала дивиться. Она верила, что вносит разумность в безнадежные ситуации. И в целом верила в нормы семейного права. В оптимистические минуты считала важной вехой в развитии цивилизации законодательный акт, поставивший нужды ребенка выше родительских. Дни ее были заполнены, а вечерами в последнее время — то разные ужины, иногда в Миддл-темпле¹, по случаю

¹ Линкольн-инн, Миддл-темпл, а также Иннер-темпл и Грейз-инн — четыре судебных инна, корпорации барристеров, т. е. адвокатов, имеющих право выступать в высших судах.

выхода коллеги на пенсию, то концерт в Кингс-Плейсе (Шуберт, Скрябин) — и такси, метро, забрать вещи из чистки, составить письмо насчет спецшколы для сына уборщицы, аутиста, и, наконец, сон. А когда был секс? Теперь уже и не вспомнить.

— Я не веду записей.

Муж развел руками: ваша честь, я закончил...

Он прошел в другой конец комнаты и налил себе виски — теперь он пил «Талискер». Последнее время он как будто стал выше, двигался живее. Пока он стоял спиной к ней, ее охватило ледяное предчувствие отверженности, унижения — ее оставят ради молодой женщины, покинут, ненужную и одинокую. Подумала: может, просто согласиться на все, чего он хочет, — но отбросила эту мысль.

Он вернулся к ней со своим стаканом. Белого вина не предложил, как обычно делал в это время.

— Чего ты хочешь, Джек?

— Я хочу завести роман.

— Ты хочешь развода?

— Нет. Хочу, чтобы все оставалось прежнему. Без обмана.

— Не понимаю.

— Понимаешь. Не ты ли однажды сказала, что в долгом браке пары приходят к отношениям

брата и сестры? Мы пришли, Фиона. Я стал тебе братом. Это уютно и мило, и я люблю тебя, но, прежде чем умру, хочу большого страстного романа.

Она охнула от изумления, а он, услышав в этом насмешку, грубо сказал:

— Восторг, когда почти теряешь сознание от остроты происходящего? Помнишь, как это бывает? Хочу испытать напоследок, даже если ты не хочешь. Или, может быть, хочешь.

Она смотрела на него, не веря своим ушам.

— Вот так.

Тут к ней вернулся голос, и она сказала ему, какой он идиот. У нее были твердые представления о приличиях. И оттого, что он никогда ей не изменял, насколько она знала, его предложение прозвучало еще возмутительнее. А если изменял когда-то, то изумительно ловко. Она уже знала имя женщины. Мелани. Похоже на название смертельного рака кожи. Она понимала, что ее может раздавить этот его роман с двадцативосьмилетней девицей-статистиком.

— Если ты это сделаешь, между нами все кончено. Все очень просто.

— Это угроза?

— Торжественное обещание.

Но она уже взяла себя в руки. И в самом деле просто. Свободный брак следовало предлагать до свадьбы, а не тридцать пять лет спустя.

Рискнуть всем, что у них было, ради краткого чувственного увлечения! Когда она пыталась вообразить нечто подобное для себя — «последний взбрык», а у нее первый, — мысли приходили только о раздразе, тайных свиданиях, разочаровании, телефонных звонках не вовремя. Липкие занятия с новым, непривычным партнером в постели, новоизобретенные нежности — все фальшь. А в конце — необходимость развязаться и тяжелый труд быть искренней и откровенной. Все уже будет не то после возвращения. Нет, она предпочитает несовершенное существование — то, что сейчас.

Но в шезлонге ей открылся подлинный размер обиды — его готовность уплатить за удовольствие ее страданием. Жестоко. Ей случалось видеть, как он идет напролом, не учитывая других, чаще — с благой целью. А это было что-то новое. Что изменилось? Наливая себе виски, он стоял с прямой спиной, расставив ноги; пальцы свободной руки шевелились в такт мелодии, звучавшей у него в голове, — может быть, песни, слышанной вдвоем, но вдвоем не с ней. Причиняет ей боль, и его это не волнует — вот что новое. Он всегда был добрым, верным и добрым, а доброта, как подтверждалось ежедневно в Отделении по делам семьи, была существенным человеческим качеством. Фиона обладала правом